

АЗБУКА
БЕСТСЕЈЛЕР

Книги
Мюриель Барбери:

Лакомство



Элегантность ежика



Жизнь эльфов



Странная страна



Только роза



Час откровения

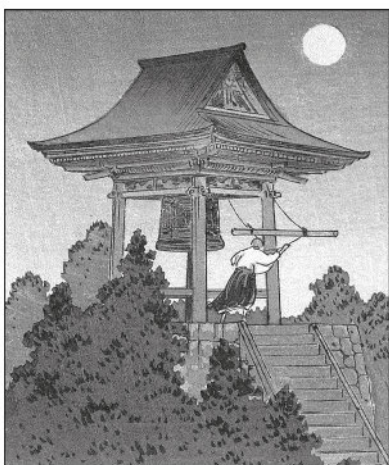
Мюриель
Барбери

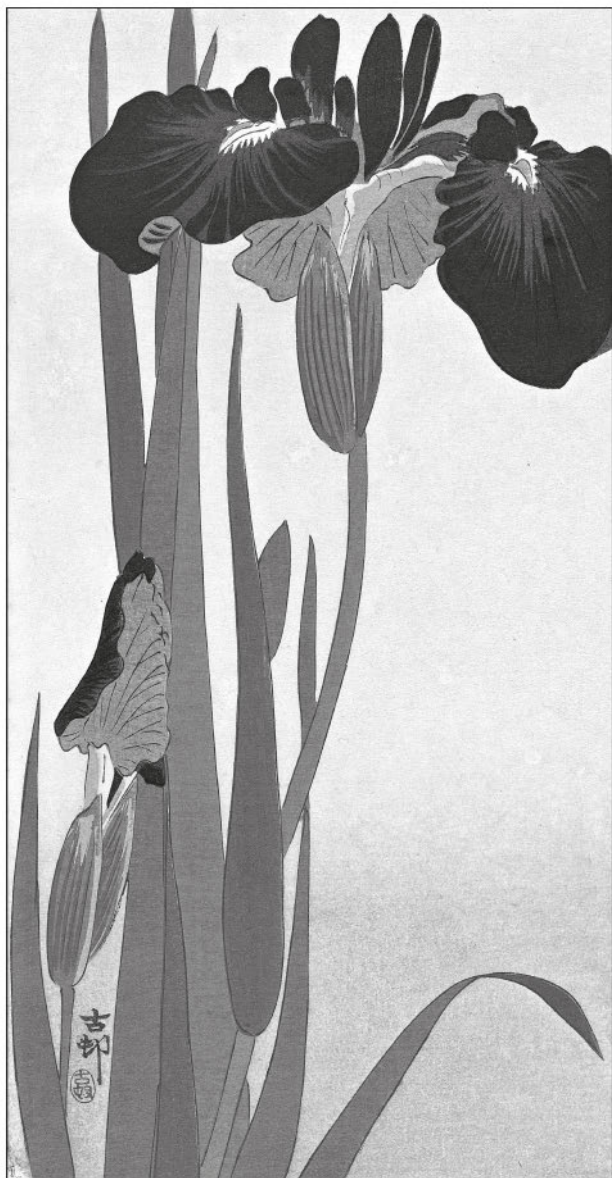
ЧАС
ОТКРОВЕНИЯ



Санкт-Петербург

УМИРАТЬ





В час смерти Хару Уэно смотрел на цветок и думал: «Все держится на цветке». В действительности жизнь Хару держалась на трех нитях, и цветок был лишь последней из них. Перед ним простирался небольшой храмовый сад — миниатюрный пейзаж, усеянный символами. Долгие века духовных исканий, завершившиеся столь точной композицией, — это приводило его в восторг. «Какие усилия сосредоточились на поиске смысла и в конечном счете на чистой форме», — подумал он.

Ибо Хару Уэно был из тех, кто взыскует формы.

Он знал, что вскоре будет мертв, и говорил себе: «Наконец-то я воссоединюсь с предметами». Вдали гонг Хонэн-ина¹ ударил четыре раза, и от насыщенности собст-

¹ *Хонэн-ин* — буддийский храм в окрестностях Киото. — *Здесь и далее примеч. перев.*

венного присутствия в мире у Хару Уэно закружилась голова. Прямо перед ним — сад, замкнутый в побеленных известью стенах, крытых серой черепицей. В саду — три камня, сосна, покрытое песком пространство, фонарь, мох. Вдали — восточные горы. Сам храм назывался Синнё-до. На протяжении почти пяти десятилетий каждую неделю Хару Уэно проделывал один и тот же путь — шел к главному храму на холме, спускался через кладбище на склоне и возвращался ко входу в комплекс, которому пожертвовал немало денег.

Ибо Хару Уэно был очень богат.

Он вырос, наблюдая, как снег падает и тает на камнях горного потока. На одном берегу прилепился маленький родительский дом, на другом тянулся лес из высоких сосен, вросших в лед. Долгое время он думал, что его привлекает материя — скалы, вода, листва и дерево. Поняв, что всегда тяготел к формам, которые принимает эта материя, он стал покупать и продавать произведения искусства.

Искусство: одна из трех нитей его жизни.

ЧАС ОТКРОВЕНИЯ

Конечно, торговцем он стал не в одночасье — потребовалось время, чтобы перебраться в большой город и встретить определенного человека. В двадцать лет, отвернувшись от гор и от отцовской торговли sake, он покинул Такаяму и отправился в Киото. У него не было ни денег, ни связей, зато он обладал редким капиталом: пусть он не знал ничего о мире, зато знал, кто он такой. Был месяц май, и, сидя на деревянном полу, он провидел будущее с ясностью, близкой к той, какую дает sake. До него доносился шум храмового дзен-буддийского комплекса, в котором его двоюродный брат-монах договорился для него о комнате. Сила видения наложила на необъятность времени, и у Хару закружилась голова. Это видение не сообщало ни где, ни когда, ни как. Оно гласило: «Жизнь, посвященная искусству». И еще: «У меня получится». Комната выходила в крошечный тенистый садик. Солнце золотило верхушки высокого серого бамбука. Среди кустиков хосты и карликового папоротника рос водяной ирис. Один цветок, более высокий и хрупкий, чем остальные, покачивался на

ветру. Где-то прозвонил колокол. Время растеклось, и Хару Уэно стал этим цветком. Потом это прошло.

И сегодня, через пятьдесят прошедших лет, Хару смотрел на тот же цветок и удивлялся, что сейчас опять двадцатое мая и четыре часа дня. Однако одно отличие все же было: на этот раз он смотрел на цветок внутри себя. И еще: всё — ирис, колокол, сад — происходило в настоящем. И последнее, самое замечательное: в этом всепоглощающем настоящем растворялась боль. Он услышал шум за спиной и понадеялся, что его оставят одного. Подумал о Кейсукэ, который где-то ждет, когда он умрет, и сказал себе: «Жизнь сводится к трем именам».

Хару — тот, кто не хотел умирать. Кейсукэ — тот, кто не мог этого сделать. Роза — та, кто живет.

Частные покои, где находился Хару Уэно, принадлежали главному священнику храма, брату-близнецу Кейсукэ Сибата, человека, благодаря которому свершилось его предназначение. Братья Сибата происходили из старинной семьи Киото, которая с незапамятных времен поставляла городу

лакировщиков и монахов. Поскольку Кейсукэ равным образом ненавидел религию и — из-за блеска — лак, он выбрал гончарное дело, но был также художником, каллиграфом и поэтом. Примечательным во встрече Хару и Кейсукэ было то, что изначально между ними возникла чаша. Хару увидел эту чашу и понял, чем станет его жизнь. Он никогда не встречал подобного творения: глиняное изделие казалось старым и в то же время новым — сочетание, которое он раньше считал *невозможным*. Рядом на стуле развалился человек без возраста и, если только подобное выражение имеет смысл, того же разлива, что и чаша. Помимо этого, он был вдребезги пьян, и Хару нос к носу столкнулся со столь же невозможным сочетанием: с одной стороны — совершенная форма, а с другой — ее создатель, пропойца. После того как их представили друг другу, они закалили в сакке дружбу на всю жизнь.

Дружба: вторая нить, на которой держалась жизнь Хару.

Сегодня перед ним предстала смерть в виде сада, и все остальное, кроме этих

МЮРИЕЛЬ БАРБЕРИ

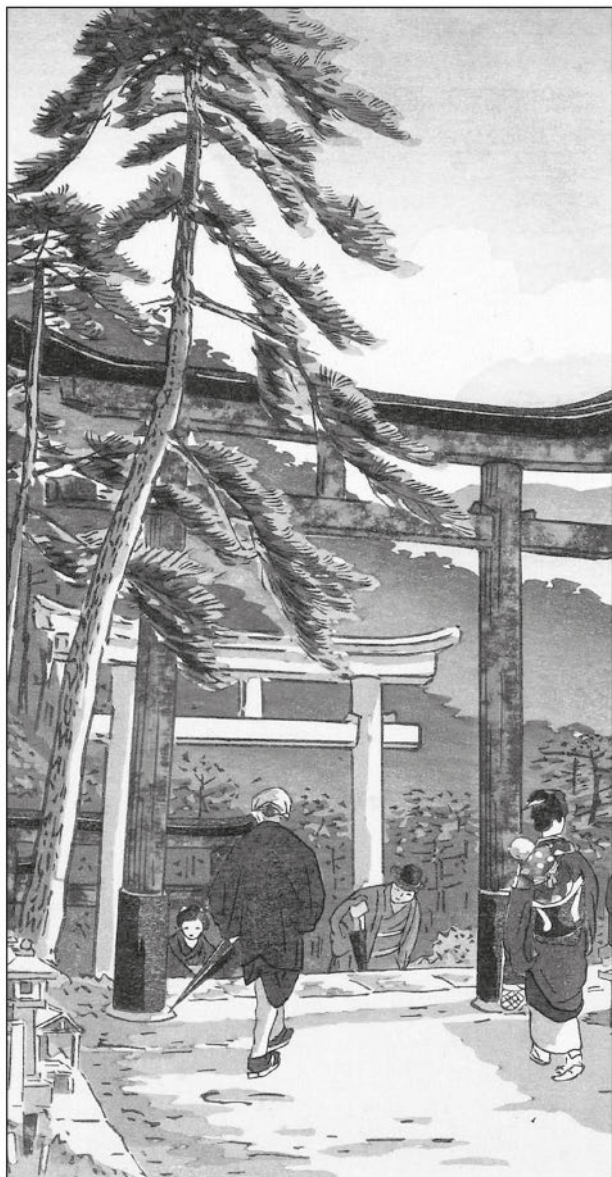
двух моментов, разделенных дистанцией в полвека, стало невидимым. Облако задело вершину Даймондзи¹, волной прислав запах ириса. Он подумал: «Остались только эти два мгновения и Роза».

Роза: третья нить.

¹ *Даймондзи* — гора на северо-востоке Киото, один из символов города.

ДО





Встреча Хару Уэно и Кейсукэ Сибаты состоялась пятьдесят лет назад в доме Томоо Хасэгавы, кинорежиссера, снимавшего документальные фильмы об искусстве для национального телевидения. Хотя обычно японцы редко принимают у себя гостей, в доме Томоо можно было встретить японских и зарубежных художников и артистов, а также прочую публику, не имевшую отношения ни к художникам, ни к артистам. Сам дом походил на парусник, уткнувшийся в мшистый берег. На верхней палубе наслаждались ветром, проникавшим через окна даже в разгар зимы. Корма судна упиралась в склон холма Синнё-до. Нос указывал на восточные горы. Томоо задумал, нарисовал и построил этот дом в начале шестидесятих годов, чтобы затем открыть его для всех любителей искусства,

саке и вечеринок. Вечеринки включали в себя дружбу и смех в ночи. Искусство и саке подавались в чистом виде. Они извечно сохранялись такими, какими и были по своей природе. Ничто и никогда не могло замутировать чистоту их эфира.

Итак, вот уже почти десять лет Томоо Хасэгава царил на холме. Его называли Хасэгава-сан или То-тян, используя любовно-уменьшительное детское имя. В его доме приходили и уходили в любое время, даже в отсутствие хозяина. Его любили, мечтали ему подражать, но никто не таил на него обид. Кроме того, он обожал Кейсукэ, Кейсукэ обожал его, и, словно сговорившись, они оба обожали холод. В любое время года они бродили полуодетыми по аллеям храмового комплекса, и на заре десятого января 1970 года Хару впервые составил им компанию. В свете занимавшегося дня холм напоминал льдину, каменные фонари мерцали, в воздухе веяло кремнем и благовониями. Друзья весело щебетали в своих легких одеждах, в то время как у Хару, облаченного в плотное пальто, зуб на зуб не попадал. Однако он не обращал на это внимания, осознав, что в ледяном рассветном

ЧАС ОТКРОВЕНИЯ

воздухе чувствует себя паломником. Родительский дом находился в Такаяме, но местом, где он когда-то жил и будет жить настоящей жизнью, оказался Синнё-до. Хару не верил в предыдущие жизни, но верил в дух. Отныне он станет паломником. И будет непрестанно возвращаться к своему истинному истоку.

Синнё-до, храм, соседствовавший с другими храмами, располагался на северо-востоке города, на возвышенности, которую Хару в расширительном смысле тоже называл Синнё-до. Клены, старинные постройки, деревянная пагода, вымощенные камнем дорожки и, естественно, кладбища на вершине и на склонах холма, одно из которых принадлежало Синнё-до, а другое храму Куродани — и тому и другому Хару, когда у него появились деньги, жертвовал с равной щедростью. На протяжении почти пятидесяти лет каждую неделю он будет проходить под алым порталом, подниматься к храму, огибать его, поворачивать к югу, следуя вдоль двух кладбищ и пересекая третье, смотреть на Киото внизу, у своих ног, спускаться по каменной лестнице Куродани, прогуливаться между храмами, на-

правляясь на север, чтобы вновь оказаться в исходной точке, и каждое мгновение ощущая себя дома. Поскольку буддистом он был только по традиции, но хотел приобщиться к средоточию своей жизни, он взлелеял убеждение, что буддизм есть имя, которое в его культуре присвоили искусству или же, по крайней мере, тому источнику искусства, которое он сам называл духом. Дух был всеобъемлющ. Дух давал объяснение всему. По какой-то мистической причине холм Синнё-до воплощал его суть. Следуя по своему закольцованному пути, Хару проходил по обнаженному остову самой жизни, очищенной от всей ее похабщины, отмытой от любой пошлости. С годами он понял, что его озарения рождались из внутренней формы этого места. На протяжении веков человеческие существа соединяли здесь строения и сады, располагали храмы, деревья и фонари, и в конце концов эта терпеливая работа претворилась в чудо: меряя шагами аллеи, человек общался на «ты» с незримым. Многие приписывали этот феномен присутствию высших созданий, населяющих священные места, а вот Хару научился у камней из по-